

К. Г. ПАУСТОВСКИЙ

ЗОЛОТАЯ
РОЗА

Константин Георгиевич Паустовский

Ночь в октябре

OCR Busya

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=159425

К. Паустовский «Избранное»: Радянська школа; Киев; 1984

Константин Паустовский

Ночь в октябре

По писательскому своему опыту я знаю, что гораздо лучше работать в деревне, чем в городе. В деревне все помогает сосредоточиться, даже треск фитиля в маленькой керосиновой лампе и шум ветра в саду, а в перерывах между этими звуками та полная тишина, когда кажется, что земля остановилась и беззвучно висит в мировом пространстве.

Поэтому поздней осенью 1945 года я уехал работать в деревню, за Рязань. Там была усадьба со старым домом и совершенно заглохшим садом, В усадьбе жила дряхлая старушка Василиса Ионовна – бывшая рязанская библиотекаряша. В эту усадьбу я приезжал работать и раньше. И каждый раз, приезжая, я замечал, как разрастается сад и как старятся дом и его хозяйка.

Из Москвы я выехал последним пароходом. Рыжие берега тянулись за окнами каюты. На берега непрерывно набегали серые волны от пароходных колес. Всю ночь в салоне горела красным накалом дежурная лампочка. Мне все казалось, что на пароходе я совершенно один, – пассажиры почти не выходили из теплых кают. Только хромой капитан-сапер с обветренным лицом и прищуренными глазами бродил по палубе и смотрел, улыбаясь, на берега. Они были готовы к зиме: листва давно осыпалась, трава полегла, ботва почернела,

а над избами прибрежных деревень курился белый дымок – всюду уже топили печи. И река была готова к зиме. Почти все пристани убраны в затоны, бакены сняты, и ночью наш пароход мог идти только потому, что над землей лежала серая лунная мгла.

На пароходе я разговорился с капитаном-сапером, и мы оба обрадовались. Оказалось, что капитан Зуев тоже сходит в Новоселках и что ему, так же как и мне, придется переправляться на лодке на другой берег Оки и идти через луга до той же деревни Заборье, что и мне. В Новоселки пароход должен был прийти вечером.

– Я-то иду не в Заборье, – сказал капитан, – а подальше, в лесничество, но до Заборья нам по пути. Я хоть и с фронта и всего навидался, а одному все же скучно идти ночью через тамошнюю глухомань. До войны я лесничествовал, а теперь демобилизовался, возвращаюсь на старое место. Чудесное дело – леса! Я лесовод по образованию. Приезжайте ко мне. Я вам такие места покажу, что вы ахнете. На фронте я эти места почти каждую ночь видел во сне.

Он засмеялся, и от этого его лицо сразу помолодело на несколько лет.

Когда глухим вечером пароход подвалил к Новоселкам, на пристани никого не было, кроме сторожа с фонарем. Сошло нас двое – Зуев и я. Едва мы соскочили на сырой настил со своими рюкзаками, как пароход отошел, обдав нас мятым паром. Сторож с фонарем тотчас ушел, и мы остались одни.

– Давайте не будем торопиться, – сказал Зуев. – Посидим на бревнах, покурим, сообразим, что делать дальше.

По голосу его, по тому, как он вдыхал запах речной воды, оглядывался по сторонам и засмеялся, когда пароход дал за поворотом короткий гудок и ночное эхо начало перекачивать этот гудок все дальше, пока не занесло в заокские леса, – по всему этому я понял, что Зуев не хочет торопиться только потому, что с необыкновенной и какой-то изумленной радостью ощущает себя в привычных местах.

Мы покурили, потом поднялись на крутой берег, к сторожке бакенщика Софрона. Я постучал в окошко. Софрон тотчас вышел, будто он и не спал, узнал меня, поздоровался, сказал:

– Вода ныне прибывает. За сутки два метра. Должно, наверху дожди. Не слышал?

– Нет, не слышал.

Софрон зевнул.

– Дело осеннее. Ну что ж, поехали?

Ока ночью казалась очень широкой, гораздо шире, чем днем. Вода шла сильно, во весь размах реки. Всплескивала рыба. В мутноватом свете ночи было видно, как круги от всплесков стремительно уносятся течением, растягиваясь и разрываясь.

На том берегу мы вышли. Из лугов тянуло холодной, завялой травой, сладковатым запахом ивовых листьев. Мы пошли по чуть заметной тропинке, вышли на сенокосную до-

рогу. Было тихо. Луна опускалась к земле, свет ее уже потускнел.

Мы должны были пересечь луговой остров шириной в шесть километров, потом перейти по старому мосту через второе – тихое и заглухшее – русло Оки, а за ним, за песками, уже лежало Заборье.

– Узнаю, – говорил, волнуясь, капитан, – Все узнаю. Оказывается, я ничего не забыл. Вон купы деревьев! Это ивы на Прорве. Верно? Вот видите! Смотрите, какой туман над Селянским озером! И ни одной птицы не слышно. Опоздал я, конечно: улетели уже птицы. А воздух! Какой воздух, мать моя родная! Настоялся на травах за всю эту осень. Я таким воздухом нигде не дышал, кроме как в наших местах. Слышите, петухи заголосили? Это в Требутине. Вот звонкие, черти! За четыре километра слышно!

Но чем дальше мы шли, тем меньше говорили, а потом и совсем замолчали. Сумрачная ночь лежала над заводами, над черными стогами, над зарослями. Молчание этой ночи передалось и нам.

По правую руку потянулось заросшее озеро. Вода в нем тускло отсвечивала. Зуеву было трудно идти из-за его хромоты. Мы сели отдохнуть на поваленную ветром иву. Я хорошо знал эту иву; она лежала здесь уже несколько лет и вся заросла низким шиповником.

– Да, жизнь! – вздохнул Зуев. – Хорошая в общем жизнь. Очень я ее ощущаю после войны. Особенно как-то ощущаю.

Смейтесь или нет, как хотите, а я теперь готов всю жизнь выращивать какую-нибудь сосну. Верно! Глупо это, по-вашему? Или нет?

– Наоборот, – оказал я. – Совсем не глупо. У вас есть семья?

– Нет, я бобыль.

Мы пошли дальше. Луна зашла за высокие берега Оки. До рассвета было далеко. На востоке еще лежала такая же плотная тьма, как и всюду. Идти стало трудней.

– Одного не пойму, – сказал Зуев. – Почему лошадей перестали гонять в ночное? Раньше до самого снега гоняли. А сейчас в лугах ни одной коняги.

Я тоже заметил это, но не придавал этому значения. Вокруг было так пустынно, что, кроме нас, на луговом острове, казалось, не было больше ничего живого.

Потом я увидел впереди неясную и широкую полосу воды. Бе раньше здесь не было. Я всмотрелся, и у меня замерло сердце: неужели так разлилось старое русло Оки?

– Скоро мост, – весело сказал Зуев, – а там и Заборье. Можно сказать, пришли.

Мы подошли к берегу старого русла. Дорога срывалась прямо в черную воду. Она неслась у самых наших ног и подмывала низкий берег. То тут, то там был слышен тяжелый плеск: это обрушивались куски подмытого берега.

– Где же мост? – спросил встревоженно Зуев.

Моста не было. Его или смыло, или затопило, и вода уже

шла над ним толщей в полтора-два метра. Зуев зажег электрический фонарик, осветил. Из-под мутных волн торчали, качаясь, верхушки кустов.

– Так-так! – сказал озадаченно Зуев. – Отрезало нас. Войдой. То-то я смотрю, что в лугах пусто. Похоже, что мы с вами здесь одни. Давайте сообразим, что делать.

Он помолчал.

– Покричать, что ли?

Но кричать было бесполезно. До Заборья было еще далеко. Нас все равно никто не услышит. Кроме того, я знал, что в Заборье не было ни одной лодки, чтобы снять нас с острова. Перевоз на остров устроен гораздо ниже, в двух километрах, у Пустынского леса.

– Придется идти на перевоз, – сказал я. – Конечно...

– Что «конечно»?

– Да ничего. Дорогу я знаю.

Я хотел сказать: «Конечно, если перевоз еще работает», – но промолчал. Если в лугах никого уже нет и их заливают осенним разливом, то и перевоз, конечно, снят. Не будет перевозчик Василий, строгий и рассудительный, сидеть зря в шалаше.

– Ну что ж! – согласился Зуев. – Пойдемте. Ночь как потемнела, окаянная!

Он снова осветил и выругался: вода уже закрыла верхушки кустов.

– Дело серьезное! – пробормотал Зуев. – Идемте скорей!

Мы пошли к перевозу. Сорвался ветер. Он медленно, гудя, налетал из темноты и нес вкось над землей снеговую крупу. Все чаще было слышно, как оседает берег. Мы шли, спотыкаясь о кочки и старую траву. По дороге лежало два небольших оврага – всегда сухих. Мы перешли эти овраги уже по колено в воде.

– Заливает овраги, – сказал Зуев. – Как бы мы с вами не влипли. Почему так быстро подымается вода? Непонятно.

Даже во время сильных осенних дождей вода никогда на подымалась так быстро и не заливала остров.

– А деревьев здесь нет, – заметил Зуев. – Одни кусты.

На острове, как раз против перевоза, была наезженная дорога. Мы узнали ее по грязи и по запаху навоза. По ту сторону старого русла на высоком берегу тяжело гудел под ветром сосновый лес.

Чем дальше тянулась ночь, тем становилось все крошечнее и холодней. Шипела вода. Зуев снова посветил фонарем. Вода шла в уровень с берегом и узкими языками уже заплескивала в луга.

– Перево-оз! – закричал Зуев и прислушался. – Перево-оз!

Никто не откликнулся. Гудел лес.

Мы кричали долго, до хрипоты, но никто нам не отвечал. Снеговая крупа сменилась дождем. Редкие его капли начали тяжело стучать по земле.

Мы снова начали кричать. В ответ все так же равнодушно

гудел лес.

– Нет перевозчика! – сказал с сердцем Зуев. – Ясно. И какого, скажите, лешего ему здесь сидеть, если остров залива-ет и на нем нет и не может быть ни души! Глупо... в двух шагах от родного дома...

Я понимал, что выручить нас может только случайность: или вода внезапно перестанет прибывать, или мы наткнемся на этом берегу на брошенную лодку. Но страшнее всего было то, что мы не знали и не могли понять, почему так быстро прибывает вода. Дико было думать, что час назад ничто не предвещало этой черной ночной беды, к ней мы сами пришли навстречу.

– Пойдемте по берегу, – сказал я. – Может быть, наткнемся на лодку Мы пошли вдоль берега, обходя затопленные низинки. Зуев светил

фонариком, но свет его все тускнел, и Зуев его погасил, чтобы сберечь на крайний случай последний проблеск огня.

Я наткнулся на что-то темное и мягкое. Это был небольшой стог соломы. Зуев зажег спичку и сунул ее в солому. Стог вспыхнул багровым мрачным огнем. Огонь осветил мутную воду и уже затопленные впереди, сколько видит глаз, луга и даже сосновый лес на противоположном берегу. Лес качался и равнодушно шумел.

Мы стояли у горящего стога и смотрели на огонь. В голову приходили бессвязные мысли. Сначала я пожалел о том, что не сделал в жизни и десятой доли того, что собирался сде-

лать. Потом подумал, что глупо пропадать от собственной оплошности, тогда как жизнь обещает впереди много вот таких, хотя и пасмурных и осенних, но свежих и милых дней, когда нет еще первого снега, но все уже пахнет этим снегом: и воздух, и вода, и деревья, и даже капустаная ботва.

Должно быть, и Зуев думал примерно о том же. Он медленно вытащил из кармана шинели измятую пачку папирос и протянул мне. Мы закурили от догорающей соломы.

– Она сейчас погаснет, – тихо сказал Зуев. – Под ногами уже вода.

Но я ничего не ответил. Я слушал. Сквозь гул леса и плеск воды долетали слабые, отрывистые удары. Они приближались. Я обернулся к реке и закричал:

– Эге-гей! Лодка! Сюда!

Тотчас с реки ответил мальчишеский голос:

– Иду-у!

Зуев быстро разгреб солому. Вырвалось пламя. В черноту полетели столбы искр. Зуев начал тихо смеяться.

– Весла! – говорил он. – Весла стучат. Разве можно пропасть ни за что в нашей родимой сторонке?

Этот ответный крик «иду» особенно меня взволновал. Иду на помощь! Иду сквозь тьму на гаснущий свет костра. Этот крик воскрешал в памяти древние навыки братства, помощи, никогда не умирающие в нашем народе.

– Эй, на пески выходите! Пониже! – звонко крикнул голос с реки, и я вдруг понял, что это кричит женщина.

Мы быстро пошли к берегу. Лодка внезапно выплыла из темноты в мутный свет костра и ткнулась носом в песок.

– Погодите садиться, воду надо отлить, – сказал тот же женский голос.

Женщина вышла на берег и подтянула лодку. Лица ее не было видно. Она была в ватнике, в сапогах. Голова ее была закутана теплым платком.

– Как вас только сюда занесло? – строго спросила женщина, не глядя на нас, и начала вычерпывать воду.

Она молча и как будто равнодушно выслушала наш рассказ, потом так же строго сказала:

– Как же бакенщик вам ничего не сказал? Сегодня ночью на реке шлюзы открыли. Перед зимой. К утру весь остров затопит.

– А как вы попали ночью в лес, наша спасительница? – шутливо спросил Зуев.

– Шла на работу, – неохотно ответила женщина. – Из Пустыни. В Заборье. Вижу: огонь на острове, люди. Ну вот, догадалась. А перевозчика уже второй день нету, не караулит. Ни к чему. Еле весла нашла. Под сеном, в шалаше.

Я сел на весла. Я греб изо всех сил, но мне казалось, что лодка не только не продвигается, но что ее сносит к какому-то черному широкому водопаду, куда низвергается вся мутная вода, и тьма, и вся эта ночь.

Наконец мы пристали, вышли на песок, поднялись в лес и только там остановились закурить. В лесу было безветренно,

тепло, пахло прелью. Ровный и величавый гул проходил в вышине. Только он напоминал о ненастной ночи и недавней опасности. Но теперь ночь казалась мне удивительной и прекрасной. И приветливым и знакомым показалось мне лицо молодой женщины, когда мы закурили и свет спички осветил ее мимолетным огнем. Серые ее глаза смущенно смотрели на нас. Мокрые пряди волос выбивались из-под платка.

– Никак ты, Даша? – вдруг очень тихо спросил Зуев.

– Я, Иван Матвеевич, – ответила женщина и засмеялась легким смехом, будто она смеялась чему-то известному только ей одной. – Я вас сразу узнала. Только не признавалась. Мы вас ждали-ждали после победы! Никак не верили, что вы не вернетесь.

– Вот так оно и бывает! – сказал Зуев. – Четыре года воевал; смерть меня, бывало, зажимала так, чтодохнуть нельзя, а от смерти спасла меня Даша. Помощница моя, – сказал он мне. – Работала в лесничестве. Учил я ее всякой лесной премудрости. Была девочка слабенькая как стебелек. А теперь, посмотрите, как вытянулась! Какая красавица! И строгая стала, суровая.

– Да что вы! Я не суровая, – ответила Даша, – Это я так, от привычки. А вы к Василисе Ионовне? – неожиданно спросила Даша меня, очевидно чтобы переменить разговор.

Я ответил, что да, к Василисе Ионовне, и зазвал Дашу и Зуева к себе. Надо было обогреться, обсохнуть, отдохнуть в теплом старом доме.

Василиса Ионовна нисколько не удивилась нашему ночному появлению. По старости своей она привыкла ничему не удивляться и все, что бы ни случилось, толковала по-своему, И теперь, выслушав рассказ о нашем злоключении, она сказала:

– Велик бог земли русской. А про Софрона этого я всегда говорила, что он растяпа. Удивляюсь, как это вы, писатель, сразу его не раскусили! Значит, у вас тоже есть своя слепота на людей. Ну, а за тебя, – сказала она, оборачиваясь к Даше, – я рада. Дождалась ты, наконец, Ивана Матвеевича.

Даша покраснела, сорвалась с места, схватила пустое ведро и выбежала в сад, забыв затворить за собой дверь.

– Куда ты? – всполошилась Василиса Ионовна.

– За водой... для самовара! – крикнула из-за дверей Даша.

– Не понимаю я нынешних девушек, – сказала Василиса Ионовна, не обращая внимания на то, что Зуев никак не может зажечь спичку и закурить. – Слова им не скажи: вспыхивают как костер. Чудная девушка! Могу сказать: моя отрада.

– Да, – согласился Зуев, справившись, наконец, со спичкой. – Замечательная девушка.

Конечно, Даша уронила ведро в колодец в саду. Я знал, как доставать ведра из этого колодца. Я доставал ведро шестом. Даша мне помогала. Руки у нее были ледяные от волнения, и она все повторяла:

– Вот чудачка эта Василиса Ионовна! Вот чудачка!

Ветер разнес тучи, и над черным садом уже сверкало, то

сразу разгораясь, то так же сразу тускнея, звездное небо. Я вытащил ведро. Даша тут же напилась из ведра – влажные ее зубы поблескивали в темноте – и сказала:

– Ох, как же я вернусь в дом, прямо не знаю.

– Ничего, пойдете.

Мы вернулись в дом Там уже горели лампы, стол был накрыт чистой скатертью, и со стены спокойно смотрел из черной рамы Тургенев. Это был редкий его портрет, гравированный на стали тончайшей иглой, – гордость Василисы Ионовны.